

На правах рукописи

ИВАНОВА Наталья Михайловна

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В ЛИРИКЕ

Н.С. ГУМИЛЕВА

10.02.01. – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Тверь – 2008

Работа выполнена на кафедре русского языка в ГОУ ВПО «Тверской государственный университет».

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Волков Валерий Вячеславович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Миловидов Виктор Александрович

кандидат филологических наук, доцент
Белова Антонина Васильевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Защита состоится «_____» _____ 2008 г. в 14 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д.212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, 170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, 42.

Отзывы можно направлять по адресу: Россия, 170000, ул. Желябова, 33, Тверской государственный университет, ученому секретарю.

Автореферат разослан «_____» _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д.212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

В.Н. Маскадыня

Данная работа посвящена исследованию религиозной фasetы лирической концептосферы Н.С. Гумилева. *Объект* исследования – религиозные концепты как часть художественной философии поэта, *предмет* – религиозная лексика как основное средство вербализации этих концептов.

Религиозная лексика рассматривается как органическая часть поэтического идиолекта Гумилева в двух противоположенных аспектах – семиологическом и ономазиологическом (идеографическом):

- 1) «от словоупотреблений – к репрезентируемым концептам»;
- 2) «от концептов – к репрезентирующим их словоупотреблениям».

Первый аспект основывается на теоретическом фундаменте лексикологии и лексикографии, второй – на лингвокультурологическом понятии «концепт».

Конечный объект исследования – концептосфера лирики Гумилева как система художественных концептов, – будучи лингвокультурологически интерпретирована, осмысливается как «художественная философия» поэта, которая, с одной стороны, носит явный, открытый, даже декларативный характер и обнаруживается прежде всего в сквозных темах и мотивах, с другой стороны – характер скрытый, явно в поэтическом слове неотрефлексированный и потому малодоступный непосредственному читательскому восприятию.

Поэтически неотрефлексированная, «глубинная» проблематика, связанная с религиозными составляющими поэтической философии Гумилева, обусловлена двумя противоположенными тенденциями развития духовной жизни общества, внутреннего мира человека и языка как средства их вербализации. Эти тенденции – десакрализация (секуляризация) и ресакрализация – находят яркое выражение и в общенародном языке как целом, и в поэтическом идиолекте.

Актуальность данной работы определяется тремя обстоятельствами: 1) внелингвистическими, связанными с тем, что десакрализации сознания и языка, характерной для эпохи Гумилева и последующих десятилетий нашей истории, пришла на смену ресакрализация, а чтобы понять существо современной ситуации, необходимо изучить процессы, к ней приведшие; 2) динамикой развития отечественной лексикологии и лексикографии, лингвопоэтики и лингвокультурологии, в центре внимания которых оказываются концепты как лингвоментальные образования сложной образно-понятийно-эмоциональной природы; 3) отсутствием лингвистических исследований, посвященных системному рассмотрению религиозной составляющей поэтической картины мира Гумилева как одной из знаковых фигур Серебряного века.

Научная новизна работы состоит в определении состава частотно-семантических и морфосемантических констант словоупотребления религиозной лексики в лирике Гумилева, выявлении наиболее значимых для

его художественной философии религиозных концептов, в сопоставлении мирского и сакрального элементов в содержательности данных концептов.

Цель работы – реконструкция состава религиозной составляющей лирической концептосферы Гумилева как части его художественной философии.

Задачи работы, обусловленные названной общей целью:

- охарактеризовать специфику религиозных концептов поэтической речи Гумилева как феноменов, совмещающих свойства сакрального и мирского типов сознания;
- рассматривая религиозную лексику как основное средство вербализации концептов религиозного сознания, выявить и систематизировать контексты ее употребления в лирике Гумилева;
- построить типологию религиозных концептов лирики Гумилева, охарактеризовать специфику их содержательности в контексте художественной философии поэта;
- разработать варианты классификации религиозных концептов, пригодные для решения задач поэтической лексикографии в ее структурно-семасиологическом и идеографическом аспектах.

Материал исследования составляют полученные методом сплошной выборки фрагменты лирических произведений Гумилева, включающие 363 лексем с религиозной семантикой; толкования найденных лексем, извлеченные из словарей общеупотребительной лексики, фиксирующих общеходные представления носителей русского языка, из богословских словарей филологического и энциклопедического характера, которые фиксируют церковно-религиозные компоненты содержания рассматриваемых лексем, связанные с их представленностью в текстах Священного Писания, Священного Предания и в церковной традиции.

Теоретической базой диссертационного исследования, в соответствии с его многоаспектным характером, послужили труды по семасиологии и лексикологии, по проблематике языковой картины мира и языкового сознания (Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, Б.А. Серебрянников, С.Е. Никитина, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова и др.), по лингвоконцептологии и лингвокультурологии (Ю.С. Степанов, Д.С. Лихачев, А.А. Залевская, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев). Специфика объекта исследования потребовала обращения к трудам отцов Церкви, религиозных философов и богословов, а также к литературоведческим исследованиям, посвященным Серебряному веку русской поэзии.

Методы исследования, обусловленные поставленными задачами и использованной теоретической основой, включают: семантико-стилистический анализ; методика компонентного анализа, заключающаяся в выделении набора семантических признаков сакрального и мирского характера у исследуемых лексических единиц; описательный метод, включающий в себя наблюдение, обобщение, интерпретацию и классификацию

религиозных констант и концептов; дискурсный анализ, раскрывающий содержание концепта в научном и обыденном сознании; описательно-аналитический и контекстологический методы анализа, составляющие комплексную методику интерпретации текста.

На защиту выносятся следующие положения.

- Фундаментальное свойство религиозных концептов в лирике Гумилева – антиномичность мирского и сакрального, что обуславливает необходимость в ходе исследования поэтической концептосферы характеризовать индивидуально-поэтические смыслы на фоне, с одной стороны, общеупотребительных значений лексем, с другой – церковно-религиозных компонентов их содержания.
- Своеобразие религиозной подсистемы поэтического языка Гумилева в том, что исходной точкой семиозиса (порождения новых смыслов) оказывается не отношение двух знаков, а семантический конфликт светского и сакрального внутри одного знака.
- Концепты как устойчивые лингвокультурные и лингвоментальные феномены находят регулярное выражение в столь же устойчивых – глубинных уровнях лексической организации поэтического идиолекта; методы определения состава глубинного уровня идиолексикона – лексикостатистика и морфостатистика.
- В идиостилистике Гумилева для выявления ядерной части лексикона достаточно двух поддающихся формализации «критериев ядерности»: 1) относительно высокая частота употребления лексемы в рамках идиолексикона; 2) относительно высокая словообразовательная валентность.
- Два уровня рассмотрения поэтического лексикона фиксируются в парах терминов *морфосемантические гнезда* → *морфосемантические константы* и *(высоко)частотные лексем* → *частотно-семантические константы*.
- Наиболее частотные морфосемантические константы в лирике Н.С. Гумилева – *Бог, Душа, Небо*; частотно-семантические константы – *Душа, Мир, Бог*.
- В целях систематизации религиозных концептов лирики Н.С. Гумилева используются три классификации: по сфере бытования, семантико-аксиологическая, ассоциативно-тематическая.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в разработке методики лингвоконцептуального анализа лирики на основе реконструкции естественных классификаций словоупотреблений религиозной лексики.

Практическая ценность работы связана с совершенствованием преподавания русской филологии в различных типах учебных заведений. Современная культурная ситуация на постсоветском пространстве связана с обращением к традиционным духовным ценностям, и прежде всего – цен-

ностям Православия, которые в рамках школьного и вузовского филологического образования отражены в текстах художественной литературы. Однако понимание религиозных мотивов лирики оказывается серьезно затрудненным, поскольку современные школьники и студенты находятся вне традиционного для России контекста православного мировосприятия. Для того чтобы религиозные мотивы Пушкина или Ахматовой, Тютчева или Гумилева были осмыслены, необходимо ввести современную молодежь в этот контекст, соотнеся его с задачами духовного возрождения как отдельной личности, так и народа в целом.

Апробация результатов исследования осуществлялась на Межрегиональной научной конференции «Жанрово-стилевое многообразие русской литературы XX-начала XXI вв.» (Тверь, 2006); на конференции-семинаре «Лингвистика и поэтика» (Тверь, 2006); на научно-практической конференции «Стратегии исследования языковых единиц» (Тверь, 2006); на Всероссийской научно-практической конференции «Коммуникативная структура современника: проблемы и перспективы исследования» (Новокузнецк, 2007); на Всероссийской научно-методической конференции «Языковое образование XXI века: проблемы и перспективы» (Хабаровск, 2007); на заседаниях кафедры русского языка Тверского госуниверситета.

По теме диссертации опубликовано 11 работ общим объемом 4,2 п.л., одна из них опубликована в рецензируемом издании.

Цели и задачи проведенного исследования определили объем и структуру работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и приложения («Словарь религиозной лексики в лирике Н.С. Гумилева»).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность темы исследования; определены объект, предмет, цели, задачи, методы, методологическая основа исследования. Обозначены научная новизна и теоретическая значимость работы, охарактеризована практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Религиозная лексика как средство вербализации концептов религиозного сознания» рассмотрены специфика религиозных концептов как предмета лингвоконцептологии, антиномичность мирского и сакрального как их фундаментальное свойство, охарактеризованы аспекты интерпретации религиозных концептов как части художественной философии Гумилева.

В разделе 1.1. «Религиозные концепты как предмет лингвоконцептологии» обсуждается проблема исследования религиозных концептов, анализируются основные положения теории концепта.

Концепт, по устоявшимся в лингвоконцептологии представлениям (Ю.С. Степанов, А.А. Залевская, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик и др.), –

это некий «лингво-мысле-образный» феномен культуры, устойчиво аккумулирующий в себе как лингво-ассоциативные, так и понятийные, и образные, и эмоциональные связи. Абстрактно-понятийная составляющая концепта «овнешняется» в образную, и наоборот – образно-наглядная абстрагируется в понятийно-отвлеченном семантическом представлении. В результате концепт как явление лингвокультурного сознания оказывается трудноуловимым для одномерной аналитики – лингвистической или искусствоведческой, этнологической, политологической или иной.

Концепты религиозного сознания трудноуловимы вдвойне: во-первых, именно как концепты в охарактеризованном выше смысле; во-вторых, как составляющие того типа сознания, о котором современное поколение имеет представление скорее по книгам, чем по личному опыту, – к примеру, скорее по «Лету Господню» Ивана Шмелева, чем по собственному опыту проживания православных праздников.

Механическое «обобщение», «сведение воедино» тех мирских составляющих семантики религиозных концептов, которые фиксированы в общеупотребительной лексике, ведет к их деструкции, к нарушению «религиокорректного» подхода к материалу, который по самой своей сути освящен ореолом сакральности. Только выявление, с одной стороны, традиционного, завещанного отцами Церкви смыслового ядра религиозных концептов, в сочетании, с другой стороны, с уважительно-трепетным прочтением индивидуально-проникновенных поэтических смыслов тех лексем, на которые эти концепты в культурном сознании русского народа «завязаны», позволит православной филологической лингвоконцептологии органично совместить научную лингвистическую строгость с нормами филологической этики.

Лингвоконцептология – бурно развивающаяся область филологического знания. Углубленному (прежде всего диссертационному) исследованию подвергаются чаще всего «эмоциональные концепты» (В.И. Шаховский), вероятно, потому, что обоснованность их существования в языковом сознании в качестве непосредственных регуляторов человеческого поведения интуитивно очевидна, а систематика и характеристика языковых средств охарактеризованы не только с психологических, но и с лингвистических позиций. Исследованию подвергаются как отдельные эмоциональные концепты (Н.В. Дорофеева, С.А. Голубцов, Н.В. Кириллова), так и целые «блоки» эмоциональных концептов, составляющих органическое единство (например, А.А. Гагарин). Системный интерес исследователей вызывают также концепты общественно-политического характера (Г.В. Токарев, В.Г. Туркина, В.Б. Крячко, Л.Н. Венедиктова, В.В. Судакова), концепты, связанные с речевым взаимодействием и речевым этикетом (типа «оскорбление», «спор», «обман»), концепты, выстраивающиеся на основе абстрактных понятий (типа «свобода», «движение», «судьба») и др.

На этом фоне весьма показательным является небольшое количество работ (исключая профессионально-богословские труды), специально посвященных концептам религиозного сознания. Как правило, в таких работах светская и религиозная ментальность специально не различаются как два онтологически разных объекта (Л. Буянова, Ю.Р. Егорова, А.Л. Анисин). Думается, причина в том, что в художественной литературе как основном средстве выражения ментальности народа, в том числе и религиозной составляющей этой ментальности, крайне трудно выразить то состояние сознания, которое характерно для глубоко верующего.

Лексика, вербализующая эмоциональные концепты, может рассматриваться как актуальное средство репрезентации концептов именно религиозного сознания лишь в том случае, когда оказывается в контексте оппозиции «грех – добродетель», в рамках других оппозиций она оказывается лишь потенциальным репрезентантом таких концептов. Тогда мы получаем, с одной стороны, именованная эмоций и черт характера, которые в православии традиционно рассматриваются как греховные (*азартность, безжалостность, безнадежие, безответственность, безразличие, властолюбие, высокомерие* и мн. др.), с другой – как ведущие к духовному «трезвению» (*благоговение, благодарность, благородство, благочестие, безмолвие, бережливость, бескорыстие, вера, воздержание* и др.).

Гиперболизируя, можно сказать, что в поэтическом тексте едва ли не любое слово может оказаться знаком богообщения – при наличии соответствующего контекста. Внеконтекстными носителями концептов религиозного сознания могут выступать лишь языковые единицы терминологического (собственно церковно-богословского) или терминологизированного характера (например, *богопознание, богооткровение, богослужение, молитва, таинство, исповедь, причащение, елеосвящение, священство* и др.).

В разделе 1.2. «Антиномичность религиозных концептов: мирское и сакральное» исследуется антиномичный характер соотношения религиозного сознания и религиозной лексики.

Для исследования религиозной компоненты языкового сознания поэта наиболее существенны следующие антиномии: 1) сакрального и мирского, «светского»; 2) социального и индивидуального; 3) кода и текста; 4) «поверхностного» и «глубинного» (текста и подтекста); 5) информационного и экспрессивного; 6) когниции и коммуникации (авторского сознания и читательского восприятия). Религиозное сознание строится на первой паре названных фундаментальных антиномий: мирского и сакрального, индивидуального и узуального, которые лежат в основе и богословия – как проблема божественного и человеческого в мире, человеке и личности Самого Христа, и психологии религии – как проблема живой иррациональной веры и ее рационального осмысления, и других гуманитарных наук, имеющих дело с феноменом религиозного, включая филологию – в аспекте отображения религиозного сознания средствами естественного языка.

Религиозная лексика, в соответствии с принципом асимметрического дуализма языкового знака, за исключением некоторых совершенно очевидных для «рядового» носителя языка библеизмов (типа *Новый Завет, скрижаль*) или церковно-богословских терминов (типа *усупение*), строится на основе антиномии светского и сакрального сознания, на конфликте мирских и сакральных содержаний в пределах одной лексемы. Иначе говоря, семиотическое своеобразие религиозной подсистемы поэтического языка Серебряного века в том, что исходной точкой семиозиса (порождения новых смыслов) оказывается не отношение двух знаков, а семантический конфликт светского и сакрального внутри одного знака. Этот семантический конфликт внутри слова как микрокосма культуры оказывается изоморфным такому же конфликту внутри человеческого «я» как микрокосма, изоморфного бытию в целом.

Два полюса, фиксирующих крайние случаи взаимодействия этих содержаний в поэтическом слове, – полное совпадение или, соответственно, полное несовпадение: 1) светское и религиозное содержания могут внеконфликтны, поскольку сакральное содержание поэтического слова близко общедоступному и вполне внятно читателю; 2) светское и религиозное сознание конфликтны, поскольку содержание поэтического слова основывается на его сакральном смысле, который мирскому сознанию может быть невнятен.

Религиозная лексика в ее поэтическом словоупотреблении располагается не столько на полюсах, сколько в континуальном пространстве «между», тяготея либо к одной, либо к другой крайности.

Полярность, «энантиосемичность» мировосприятия и поэтической философии Гумилёва хорошо просматривается даже в отдельно взятых текстах, где открыто переживается как внутренняя драма – и поэта, и культуры в целом («Отрывок», 1910):

Христос сказал: «Убогие блаженны, / Завиден рок слепцов, калек и нищих, / Я их возьму в надзвездные селенья, / Я сделаю их рыцарями неба / И назову славнейшими из славных...» / Пусть! Я приму! Но как же те, другие, / Чьей мыслью мы теперь живем и дышим, / Чьи имена звучат нам как призывы? / Искупят чем они свое величье, / Как им заплатит воля равновесья? / Иль Беатриче стала проституткой, / Глухонемым – великий Вольфганг Гете / И Байрон – площадным шутком... О ужас!

Стихотворение совершенно явственно делится на две части, противопоставленные по ключевым именованностям лиц (антропонимам) – нарицательным и собственным. С одной стороны, Христос и те, кто рядом с ним в «надзвездных селеньях», с другой – те, кто составляет гордость культуры не религиозной, а светской. С одной стороны – *слепцы, калеки и нищие* («славнейшие из славных»), с другой – *Беатриче* (а вместе с ней и неназванный Данте), *Гете, Байрон*... Строго говоря, оба эти ряда ключевых для данного текста лексем не относятся к «религиозной лексике», но именно их противопоставление отражает трагическую двойственность гумилевского мироощущения. «Пусть! Я приму!» – восклицает поэт, как человек, взрослый в лоне Православия. «Но как же те, другие...» – риторически

вопрошает другая сторона его «я», сложившаяся на базе европейской образованности. Разрешения этой дилеммы нет ни в этом раннем отрывке, ни во всем последующем творчестве Гумилева. Говорить о его неприятии завета Христа, разумеется, нельзя, но нельзя не признать его стремления поставить художественное творчество в один ряд с творчеством Создателя – стремление, кощунственное с точки зрения религиозной, но органичное для Серебряного века.

Один из способов объективного исследования данного противоречия – на основе анализа религиозной лексики реконструировать методами тезаурусостроения религиозную фасету картины мира Гумилева в единстве ее конкретных контекстов («план выражения») и контекстно обусловленных внутривербальных смыслов ключевых лексем («план содержания»).

Основной полученный в ходе этой работы результат формулируется так: религиозная фасета резко оппозитивна «мирской» составляющей культуры; семантика лексем, насыщенных религиозными смыслами, может быть прочитана лишь в условиях осознания базовых оппозиций в гумилёвской картине мира как целом. Иными словами, нельзя рассматривать «религиозное» у Гумилёва вне его соотношения со «светским».

Этот вывод несколько противоречит подходу составителей словаря «Религиозная лексика в стихах русских поэтов Серебряного века», которые сочли возможным говорить о «религиозной» лексике, не входя в обсуждение вопроса о её своеобразной светско-религиозной «энантиосемичности». Нужно признать, что «религиозной лексикой» следовало бы считать всё, что отражает внутренний «светско-религиозный» дуализм мироощущения поэта. Но такое решение, верное с точки зрения культурологической и литературоведческой, едва ли может стать методологической основой лингвопоэтического исследования. Поэтому в основу методики реконструкции религиозной фasetы гумилёвской картины мира приходится полагать внятную исследователям интуитивно принадлежность той или иной лексемы сфере «Религиозное» (метод «экспертной оценки»).

Во второй главе «Константы религиозного идиолексикона в контексте лингвоконцептологии» исследуются средства вербализации как элементы плана выражения религиозной составляющей концептосферы Гумилева, дается характеристика религиозных концептов и констант как части целостной художественной философии поэта, а также их интерпретация и классификация.

В разделе 2.1. «Религиозная фасета общеязыковой и поэтической картины мира» обсуждается проблема соотношения религиозной составляющей общеязыковой и индивидуально-поэтической картины мира.

Поскольку концепты – устойчивые лингвокультурные и лингвоментальные феномены, они находят регулярное выражение в столь же устойчивых – глубинных уровнях лексической организации, которые соотносятся как с общеязыковой картиной мира, находящей выражение в общена-

циональном лексическом фонде, так и с индивидуально-поэтической картиной мира, имплицитной поэтическим идиолектом.

Художник слова обогащает национальную картину мира «субъективной самонаполненностью», но в этой субъективности отражается целое. Можно говорить, таким образом, о языковой картине мира отдельного «внутреннего человека», как она явлена в продуцируемых им текстах – в соотносительности с общеязыковой «каталогизацией» концептуального универсума.

Основополагающая задача лингвокультурологического исследования картины мира – реконструкция естественных классификаций того языкового материала, который связан с той или иной фасетой языкового сознания. Под «естественными классификациями» понимаются такие, которые выявляются в ходе анализа «живого» языкового материала, а не навязываются этому материалу извне, не переносятся механически из других наук (например, философии или религиоведения).

В разделе 2.2. «Глубинный уровень идиолексикона как отображение религиозно-поэтической картины мира» дается представление о глубинном уровне семантической организации лексикона, об активном ядре лексикона; репрезентируются результаты проведенной реконструкции состава частотно-семантических и морфосемантических констант словоупотребления религиозной лексики в лирике Гумилева.

В аспектной идиостилистике художественной речи для выявления ядерной части индивидуального поэтического лексикона, по нашим данным, достаточно лишь двух легко формализуемых «критериев ядерности»: 1) относительно высокая частота употребления лексемы в рамках рассматриваемого идиолексикона; 2) относительно высокая словообразовательная валентность.

Общее количество языковых единиц с религиозной компонентой значения в лирике Гумилева – 363. Количество словоупотреблений некоторых лексем превышает число рассмотренных контекстов по причине наличия лексических повторов (в пределах одного предложения лексема встречается два и даже три раза). В таких случаях (как правило, у высокочастотных лексем, типа *душа*, *мир*, *жизнь* и т.д.) первая цифра указывает общее количество употреблений, а следующая за ней (в скобках) – количество контекстов (предложений), в которых данная лексема представлена.

Словообразовательные варианты (типа *мечта* / *мечтанье*), ввиду совпадения их лексического значения, рассматриваются нами как одна лексема, стилистически модифицируемая словообразовательными средствами. Такое же решение принимается и по отношению к дериватам с модификационным словообразовательным значением (типа *жрец* – *жрица*). Количество словоупотреблений таких языковых единиц мы указываем через косую черту.

Наиболее частотные лексемы с религиозной компонентой значения, фиксированные в лирике Гумилева: душа 115 (110); мир 81 (74); бог 65; жизнь 61 (59); смерть 54; рай 49 (48); небо 44; мечта / мечтанье 30/ 11; тоска 38; святой (прил.) 33; судьба 32 (31); храм 31 (30); небеса 29; ангел 27; священный 24 (23); белый 23 (22); молиться 21; дух₁ («душа разумная», сознание) 20 (18); бездна, боги, божий 19 (18) и т.д.

В соответствии с критерием словообразовательной валентности, лексемы с религиозной компонентой значения были объединены в индивидуально-поэтические морфосемантические гнезда, включающие два или более однокоренных слова с внутренней формой, обусловленной значением заголовочного слова; при этом выяснилось, что значительная часть лексем с религиозной компонентой выступают в идиолекте Гумилева как единичные (не имеют однокоренных). На следующем шаге исследования найденные морфосемантические гнезда были упорядочены по частоте, в каждом из гнезд выделены заголовочные единицы – наиболее простые по морфному составу лексемы (как правило, непроемные).

Наиболее частотные морфосемантические гнезда с религиозной компонентой значения (первая цифра – общее количество единиц в морфосемантическом гнезде, заглавными буквами выделены лексемы – доминанты морфосемантических гнезд):

- 145 БОГ 65, боги 19, богиня 9, безбожник 1, Богом прокляты 1, богомольный 1, богородица 1, богослужение 1, богохульный 1, боже 16 (14), божественной 1, божественный 4, божество 2, Божий 19 (18), набожный 4
- 117 ДУША 115 (110), душевный 2
- 88 НЕБО 44, НЕБЕСА 29, небесный 15
- 77 СВЯТОЙ (прил.) 33, СВЯЩЕННЫЙ 24 (23), освящаться 1, освященный 1, свята 2, свято 1, святой Пантелеймон / Пантелеймон 2/ 2, святотатец 4, святотатство 1, святыня 6, священник 1
- 56 РАЙ 49 (48), райский 7
- 53 МЕЧТА / МЕЧТАНЬЕ 30 / 11, мечтать 12
- 44 МОЛИТЬСЯ 21, МОЛИТВА 8 (7), вымолить 1, молебен 1, молитвенно 1, молить 6, мольба 5, помолиться 1
- 35 АНГЕЛ 27, ангельские трубы 1, ангельский 7

Полученный фактический материал можно рассматривать как перечень «ядерных», высокочастотных, выделенных по объективным критериям лексических средств вербализации религиозных концептов – в их отграничении от средств периферийных, низкочастотных.

В разделе 2.3. «Лингвопоэтические константы религиозного идиолексикона» осуществлен следующий исследовательский шаг, связанный с переходом от средств вербализации как элементов плана выражения религиозной составляющей концептосферы Гумилева – к характеристике религиозных концептов как части целостной художественной философии поэта.

Лексемы с высокой совокупной словообразовательной валентностью (входящие в состав индивидуально-поэтических морфосемантических гнезд, включающих две и более лексемы) и/или высокой частотой употребления (единичные лексемы, не входящие в состав морфосемантических гнезд) именуется соответственно морфосемантическими и частотно-семантическими константами.

Пары терминов *морфосемантические гнезда* → *морфосемантические константы* и (*высоко*)*частотные лексемы* → *частотно-семантические константы* отражают соответственно два уровня рассмотрения поэтического лексикона. Первые члены терминологических пар с опорными сущ. *гнезда* и *лексемы* акцентируют внимание на плане выражения, вторые – на плане содержания соответствующих феноменов идиолексикона. В контексте данного исследования термин *константа* используется для фиксации «предконцептуального» уровня организации лексического пространства идиолекта, для характеристики некоторых относительно частотных и в этом статистическом смысле «постоянных» языковых феноменов. Некоторые из таким образом понимаемых и выделяемых на статистических основаниях морфосемантических и частотно-семантических *констант* могут выполнять роль базовых средств выражения *концептов* поэтического сознания. Сведения о десяти наиболее частотных лингвопоэтических константах религиозного идиолексикона Гумилева суммированы в таблице:

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ
религиозного идиолексикона Н.С. Гумилева

Морфосемантические константы ¹	Частотно-семантические константы ²
Бог 65 / 145	Душа 115 (110)
Душа 115 / 117	<i>Мир 81 (74)</i>
Небо 44 / 88	Бог 65
Святой (<i>прил.</i>) 33 / 77	<i>Жизнь 61 (59)</i>
Рай 49 / 56	<i>Смерть 54</i>
Мечта 30 / мечтанье 11: 41 / 53	Рай 49 (48)
Молиться 21 / 44	Небо 44
Ангел 27 / 35	Мечта / мечтанье 30 / 11
Господь 15 / 30	<i>Тоска 38</i>
Дух («душа разумная», сознание) 20 / 22	Святой (<i>прил.</i>) 33

¹Первая цифра указывает частоту заголовочного слова морфосемантического гнезда, вторая – общее количество словоупотреблений единиц, составляющих гнездо; косая черта в указании заголовочной единицы разделяет словообразовательные варианты (*мечта / мечтанье, верить / веровать*).

²Цифра рядом с названием лексемы-константы указывает общее количество словоупотреблений; следующая за ней цифра в скобках (в случае наличия в одном контексте лексических повторов) указывает количество контекстов, в которых представлена заголовочная единица; курсивом выделены слова, не входящие в состав морфосемантических гнезд.

В разделе 2.4. «Константы религиозного идиолексикона как средство вербализации концептов религиозного сознания» обосновывается выбор констант религиозного идиолексикона для анализа специфики их содержательности в контексте художественной философии поэта.

Частотность, безусловно, важный показатель принадлежности лексемы ядру индивидуального лексикона, и подавляющее большинство названных в предыдущем параграфе морфосемантических и частотно-семантических лингвопоэтических констант составляют основу языковых средств репрезентации соотносительных с ними концептов. Однако есть и «обратные» случаи, а именно: 1) ряд высокочастотных лексем, выступающий как лингвопоэтическая константа, не соотносится с ментальным образованием, имеющим статус концепта; 2) низкочастотная лексема может репрезентировать концепт, чрезвычайно важный и в контексте индивидуально-авторского поэтического мировоззрения, и в контексте религиозного сознания в целом. Показательными примерами такого рода могут служить, с одной стороны, морфосемантическое гнездо *Бог* – наиболее частотная из констант религиозного идиолексикона Гумилева, а с другой стороны, лексема *бесстрастие*, представленная в его творчестве единичным словоупотреблением.

В третьей главе «Религиозная лексика Гумилева как объект поэтической лексикографии» представлены варианты классификации религиозных концептов и приемы словотолкования религиозной лексики, пригодные для решения задач поэтической лексикографии в ее структурно-семасиологическом и идеографическом аспектах.

В разделе 3.1. «Семасиологический и идеографический аспекты авторской поэтической лексикографии» рассматриваются пути исследования поэтического сознания как объекта лексикографического описания.

Слово как феномен языка писателя (идиолекта) является объектом структурно-семасиологической лексикографии. Задача исследования авторского сознания требует иного подхода к отбору и систематизации лексикографического материала, а именно – когнитивного, отражающего своеобразие мировоззрения автора, его индивидуально-специфической картины мира. Объект лексикографического описания в этом случае – индивидуально-авторские смыслы.

В ходе исследования религиозной составляющей индивидуального поэтического сознания Н. Гумилева необходимо последовательное лексикографическое сопоставление, с одной стороны, тех значений лексем религиозного характера, которые фиксированы в словарях общеупотребительной лексики и в традиции Православия, с другой стороны – тех индивидуально-авторских смыслов, которые выявляются у данных лексем в лирике поэта.

В разделе 3.2. «Религиозная лексика и библеизмы как объекты семасиологической лексикографии: проблема словника и семантизации» делается вывод о том, что в качестве религиозной в общем случае целесообразно-

но рассматривать лишь лексику, связанную с авраамическими религиями (*иудаизм, христианство, ислам*), а применительно к творчеству русских поэтов – лексику, отражающую христианское мирозерцание.

Словник религиозной лексики как исходная задача аспектной писательской лексикографии оказывается сформированным по неизбежно субъективным критериям, где основанием включения лексем в словарь является не столько их специфическая семантика, сколько фиксация в текстах Священного Писания и Священного Предания, а также стилистическая окраска церковно-религиозной книжности.

Проблема семантизации заголовочных лексикографических единиц в случае писательской лексикографии обретает особую сложность, поскольку лексем, признаваемые как (потенциальные) носители религиозных содержаний, могут быть трактованы минимум в трех разных аспектах:

- 1) «для самого текста»;
- 2) «для автора»;
- 3) «для читателя».

Суть проблемы конструирования словарных толкований религиозной лексики в авторской лексикографии мы видим в отображении «четырех субъективностей»:

- 1) узуального, «традиционного» восприятия носителями языка лексем, выражающих религиозные содержания;
- 2) богословского профессионально-терминологического восприятия;
- 3) индивидуально-авторского прочтения значений и смыслов лексем, отображающих религиозное сознание;
- 4) индивидуального и корпоративно-коллективного прочтения значений смыслов различными группами читателей.

В разделе 3.3 «Концепты религиозного сознания как объекты идеографической лексикографии: проблема систематики» предлагаются и обосновываются критерии отбора принципов классификации религиозной лексики.

Поскольку лексическая система в любой ее части многомерна, классифицировать ее составляющие по какому-либо одному основанию – значит уйти от реального семантического богатства. В работе рассмотрены три классификационных принципа:

- по сфере бытования;
- по семантико-аксиологическим свойствам;
- по ассоциативно-тематическим свойствам.

Классификация по сфере бытования (параграф 3.3.1) строится на основе иерархизации «от общего к частному» и выявления ясных бинарных и тернарных оппозиций.

На первом шаге классификации разграничивается общерелигиозная и христианская лексика; **общерелигиозная** включает слова, обозначающие понятия, свойственные всем монотеистическим религиям (*Бог, душа, праведность, молитва* и др.); **христианскую** составляют слова, обозначаю-

щие понятия, свойственные только христианству (*Святая Троица, Святой Дух, Спаситель, апостол, Евангелие, Церковь, исповедь* и др.). На втором шаге классификации христианская лексика (то есть не считая лексики ислама, языческих верований, мистических учений и т.п.) членится на **обще-христианскую** (ср.: *алтарь, безбожник, богохульный, божественный, догмат, епископ, крещен, мольба, монастырь, набожный, припасть, причастье, Рождество, святотатство* и т.п.) и **конфессиональную**, которую образуют слова, свойственные отдельным христианским конфессиям (ср., например, конфессионально-специфические именованья священнослужителей: *батюшка, пастор, ксёндз, кюре, аббат, кардинал*; богослужений: *обедня, утренняя, всенощная, месса, лития, литания*; частей храма: *иконостас, притвор, паперть* и др.). Наконец, на третьем шаге классификации внутри разграничиваются типы конфессионально-специфической лексики: **православная** (*Афон, благовест, звонить во все колокола, икона, инок, кадило, Казанский собор, клирос, лампадка, обедня, образ, поп, скит, схима* и т.п.); **католическая** (*аббатство, капелла, святая Цецилия, инквизитор, исповедальня, орган, кардинал* и т.п.) и «**иная**» – условное именование, связанная, в частности, со старообрядчеством (ср. *двоеперстие*) и протестантизмом (ср., например, названия различных протестантских течений и именованья их приверженцев: *баптизм, анабаптизм, пиетизм, кальвинизм, пуритане, пресвитериане, квакеры* и т.д.).

Особое место в систематике по сфере бытования занимают фрагменты Священного Писания, молитв (например, молитвенные обращения: «*Боже, спаси!*», «*Господи, благослови*», «*Господь, помилуй наши души*», «*Прости, Господь, прости меня*» и т.п.), поскольку их функционирование в речевой практике обусловлено по преимуществу спецификой речевых ситуаций и индивидуально-личностными особенностями верующих.

Наложение представленной теоретической систематики на конкретный материал творчества Гумилева (словоупотребление и контексты, включающие соответствующую лексику) ставит специфическую **задачу выбора стратегии и способов интерпретации**. Стратегия интерпретации конкретного материала должна строиться на основе, с одной стороны, существующих в филологической традиции взглядов на идейно-художественное своеобразие творчества Гумилева, с другой стороны – святоотеческой традиции восприятия ключевых концептов Православия.

Этот выбор осложняется тем, что в последние годы в филологических исследованиях фиксируются самые различные взгляды на соотношение русской литературы и Православия – от утверждений, что вся русская литература на протяжении последних десяти веков была христианской, а точнее – православной, и даже оставалась ею и в советские времена, до мнения, что русская классическая литература рождалась именно как анти-теза церковной жизни.

Семантико-аксиологическая классификация (параграф 3.3.2) строится на разграничении типов религиозной лексики по их назначению, по их слóвной интенциональности. Различаются лексемы номинативные (денотативные), ориентированные на отображение чувственно воспринимаемых, «зримых» феноменов вещного, материального мира; сигнификативные (понятийные), отражающие реальности мысли; коннотативные (ценностно-эмоциональные), отражающие реальности мира ценностных установок и обусловленных ими эмоциональных реакций.

Наиболее очевидные примеры религиозной лексики с денотативным (номинативным) компонентом значения как ведущим – *алтарь, ангел, апостол, архангел, Афон, ладан, Лазарь, лампада, Мария, Медина, Мекка, мечеть, минарет* и т.п.; с сигнификативным компонентом – *бесноватый, благоволение, благословение, блаженный, блаженство, бытие, вера, священный, скорбеть, скорбь, слава* и т.п.; с коннотативным компонентом – *величать, воззвать, Всевышний, льстивый, присносущный* и т.п.

В фундаменте **ассоциативно-тематической классификации** (параграф 3.3.3) – представления о полевой организации лексической системы.

Результат упорядочения исходного лексического массива (и массива контекстов) именуется ассоциативно-тематическим полем (ассоциативно-тематическим пространством). Ассоциативно-тематические поля представляют собой множества, включающие лексемы (словоупотребления) с однородным контекстуально-ассоциативным смыслом.

При реконструкции религиозной фасеты картины мира Н.С. Гумилева выявляются множества лексем разного объема, для разграничения которых могут использоваться следующие таксономические термины: «Фасета» → «Пространство» → «Поле» → «Группа: тематическая, синонимическая, антонимическая, ассоциативная, гипонимическая, словообразовательная» → «Пара: синонимическая, антонимическая и др.».

Из этой максимализированной таксономии в данной работе последовательно применяются только три элемента: «Пространство» → «Группа» → «Пара». Рассматриваемая фасета идиолексикона Гумилева – «Религиозная лексика»; понятие «Поле» используется в случаях пересечения различных лексических пространств и групп.

Полученный результат в обобщенном виде выглядит так:

1. Ассоциативно-тематическое пространство «Высшее существо»
 - 1.1. Синонимическая группа «Бог (Боже) – Господь (Господи) – Зиждитель»;
 - 1.2. Словообразовательная группа «Божий – Бог (Боже) – Божество»;
 - 1.3. Тематическая группа «Слуга (Раб) Бога»;
 - 1.4. Ассоциативная группа «Бог – Вера – Милость Божья – Благодать»;
 - 1.5. Словообразовательная группа «Святой – святиться – святыня».
2. Ассоциативно-тематическое пространство «Инобытие»

- 2.1. Ассоциативно-тематическое поле «Рай»
 - 2.1.1. Синонимическая группа «Рай»
 - 2.1.2. Тематическая группа «Существа (Рай)»
- 2.2. Ассоциативно-тематическое поле «Ад».
- 2.3. Пограничная ассоциативная группа «Черт (Антихрист) – Душа – Ангел (Бог)» и т.д.

Предложенная ассоциативно-тематическая систематика может использоваться для формулировки последующих задач исследования религиозной лексики в лирике Н.С. Гумилева, в частности: 1) выявление, с одной стороны, высокообъемных и высокочастотных лексических множеств из данного списка, с другой – множеств маломощных и низкочастотных; 2) выявление множеств с семантическими макродоминантами «собственно-религиозное» – «светско-религиозное» – «светское».

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы его дальнейшего развития.

В списке литературы приводится 250 источников.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

А. В рецензируемом издании.

1. Иванова Н. М. «Слово» Н. С. Гумилева: поэтические и библейские смыслы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова: Научно-методический журнал. – 2008. – №2 (апрель–июнь). – С. 106–110.

Б. Другие публикации.

2. Иванова Н.М. Стихотворение Н.С. Гумилева «Слово»: опыт сопоставления лексико-семантического и богословского прочтений // Межкультурная коммуникация в современном мире: Мат–лы первой междуна-родн. науч. конф. – Тверь, 2005. – С. 218–222.
3. Иванова Н.М. Духовная основа поэтической философии // Кафедра: Психолого–педагогический журнал. – Тверь, 2006. – № 2 (6). – С. 29–32.
4. Иванова Н.М. «Конфликт сознаний» в поэтическом слове // Кафедра: Психолого–педагогический журнал. – Тверь, 2006. – № 6 (10). – С. 68–71.
5. Иванова Н.М. Лингвометодическая интерпретация религиозных мотивов лирики (на материале творчества Н. С. Гумилева) // Филологический сборник. – Тверь; Велико Тырново, 2006. – Вып. 1. – С. 40–43. – (В соавторстве с В.В. Волковым).

6. Иванова Н.М. Религиозная фасета картины мира Н. С. Гумилева (методика реконструкции) // Стратегии исследования языковых единиц: Мат–лы Тверской межвуз. науч.–практич. конф. (12–14 апреля 2006 г.). – Тверь, 2006. – С. 126–131.
7. Иванова Н.М. Лингвокогнитивная типология библеизмов в контексте поэтической коммуникации // Коммуникативная культура современника: проблемы и перспективы исследования: Мат–лы I Всероссийской науч.–практич. конф. (10–11 апреля 2007 г.). – Новокузнецк, 2007. – Вып. 1. – С. 69–75.
8. Иванова Н.М. Православный компонент поэтического сознания в аспекте педагогической аксиологии // Языковое образование XXI века: проблемы и перспективы: Мат–лы междунар. науч.-методич. конф. 15 апреля 2007 г. – Хабаровск, 2007. – С. 70–75.
9. Иванова Н.М. Религиозное сознание поэта в свете авторской когнитивной лексикографии (на материале лирики Н. Гумилева) // Вестник Тверского государственного университета. – 2007. – № 14 (42). – Серия «Филология». – Вып. 8. – С. 152–156.
10. Иванова Н.М. Религиозная лексика Н. С. Гумилева: Опыт типологии лингвокультурных концептов // Русский язык и литература в современном культурном, информационном и образовательном пространстве: Мат–лы научно-практической конференции, 14–15 декабря 2007 года, г. Тверь. – Тверь, 2008. – С. 83–89.
11. Иванова Н.М. Небо и небеса в лирике Н.С. Гумилева как антиномичный концепт // Вестник Тверского государственного университета. – 2008. – № 9 (69). – Серия «Филология». – Вып. 11. – С. 111–116.